
И.Л. Копылов

Бродский Иосиф Александрович 24.05.1940 — 28.01.1996

Некоторые сведения из жизни поэта помогут в определении места и времени тех или иных событий, которые переведены Бродским из действительности в особое состояние, именуемое поэзией, где как он утверждает, стихи пишут сами себя: «...Я думаю, что не человек пишет стихотворение, а каждое предыдущее стихотворение пишет следующее».

До 15 лет Иосиф Бродский учился в школе, бросил ее, пошел работать и сменил несколько профессий. Писать стихи начал в 16 лет — и мгновенно миновал неизбежный для всякого начинающего стихотворца период подражания. В его стихах быстро возобладала совершенно оригинальная интонация, отчасти выражавшаяся и в особой манере поэта читать свои стихи на публике. В короткое время он овладел тем запасом профессиональных приемов, который позволил ему превзойти тогдашний общий уровень официальной подцензурной поэзии. При этом он писал именно то, что хотел, а не то, что дозволялось.

К 1960 году Бродский уже был хорошо известен и ценим и среди литературной молодежи, составлявшей новую неофициальную литературу, и среди честных литературных профессионалов старшего поколения. Литературные функционеры, разумеется, его не признавали. Сам поэт в силу врожденного чувства собственного достоинства и в силу заслуженно приобретенного уважения к собственному труду, не унижался до того, чтобы обивать пороги издательств. Друзья пытались помочь ему, устраивая заработки от стихотворных переводов. Бродскому не понадобилось много времени, чтобы проявить себя незаурядным переводчиком стихов. Но его переводы тоже оказались слишком талантливыми для установленного сверху уровня талантливости в разрешенной литературе. Заказы появлялись редко и вряд ли окупали затраты на кофе, довольно дешевый, кстати, в те времена, выпиваемый Бродским во время работы над переводами.

В другой стране и в другое время стремительно растущая известность принесла бы поэту через несколько лет достаток и возможность спокойно работать. Однако в Совдепии эпохи так называемой хрущевской оттепели эта известность не только лишала последних шансов опубликовать в печати свои стихи, но и привлекала внимание органов идеологического надзора и подавления. С их точки зрения, поэт, углубленный в собственный мир, поглощенный собственными взаимоотношениями с бытием, временем, вечностью, посягал чуть ли не на основы имперской системы.

В 1964 году Бродский был арестован, посажен в тюрьму и приговорен к пяти годам ссылки с привлечением к тяжелой работе по указу ПВС СССР «Об ответственности за тунеядство». Тунеядством именовалась литературная работа, которую судившая поэта торжествующая серость расценивала как правонарушение, особенно серьезное в молодом возрасте. Правление Ленинградского отделения Союза советских писателей, собранное из отборных экземпляров этой торжествующей серости, рьяно способствовала тому, чтобы организованный КГБ гнусный суд завершился соответствующим приговором.

Но благодаря заступничеству Ахматовой, Маршака, Шостаковича, многих других порядочных людей и широкой кампании возмущения, нашедшей отклик и за границей, Бродский был досрочно освобожден в 1965 году.

В последующие годы он достигает новых высот в поэзии, но за исключением нескольких стихотворений и стихотворных переводов ему ничего не удается опубликовать в советской печати.

Тем временем на Западе начинают с 1965 года выходить книги Бродского: «Стихотворения и поэмы», затем «Остановка в пустыне». Бродский становится первой поэтической фигурой в неофициальной литературе. Каждое его новое произведение воспринимается как литературное событие, немедленно распространяется в устной передаче, самиздатовской перепечатке, передается в русские зарубежные издания. Помимо связанных с ним судьбой и сходной литературной позицией друзей, к его авторитетной личности тянется вся независимая молодая литература и искусство.

Эта вполне зрелая и производительная творческая пора поэта совпадает с очередным этапом остервенелого гонения правящей бездарности на русскую культуру. После серии запретов, судов над писателями и диссидентами, разгромов выставок, арестов и высылки в 1972 году Иосифа Бродского высылают.

В США, где поэт поселился, все, что выходит из-под его пера, тут же попадает в печать, однако число его читателей теперь падает до немногих сотен иммигрировавших и изгнанных любителей поэзии и западных литературных специалистов. Это достаточно мучительная для литератора коллизия осложняется еще и тем, что Иосиф вывез с собой из России совершенно расшатанное здоровье. Его постигают два инфаркта. Но, благодаря Богу и американским врачам, он выбрался из опасного состояния. При всех неблагоприятных обстоятельствах отрадно то, что Бродский нашел в Америке уважение культурного общества, доброжелательную обстановку для работы, широкое признание. Он пишет на русском и английском языках, преподает литературу в университетах и колледжах.

Несмотря на все эти резкие перемены, никакого творческого зигзага в поэзии Бродского, вызванного изгнанием, проследить невозможно. Наоборот, поражает крайняя последовательность в развитии его творческих принципов и внутренняя оправданность эволюции. Хотя сам поэт сколько-нибудь значительную эволюцию в своей поэзии в эти годы отрицает. Возможно, эволюция состоит в том, что с какого-то момента каждое новое стихотворение поэта превосходит предыдущее.

Присуждение Бродскому Нобелевской премии не явилось неожиданностью. Он, безусловно, по праву стал пятым русским литератором, получившим ее.

Его мать и отец, к сожалению, не дожили до этого события. Не добившись от советских властей разрешения увидеться с сыном, они умерли в 1984 и 1985 году. С мировым признанием в жизни Бродского мало что изменилось, разве что стало меньше времени для спокойной работы. Знаменитость постоянно отвлекали вытекающие из ее нынешнего положения ритуально-общественные обязанности. Он хозяйничает по-прежнему в тесной, заваленной книгами нью-йоркской квартире. Хотя эта квартира раз в десять больше того пятиметрового угла, который он себе отгородил, живя в питерских коммунальных полтора комнатах, остается впечатление, что он живет нисколько не просторнее и не богаче, чем в молодости.

Если не говорить о неизбежных следах, оставляемых на человеке временем и больницами, Бродский, до конца жизни, в сущности, не изменился. Очевидно, он наконец добился той возможности быть самим собой, которую так отстаивал в молодые годы, хотя его всегда не устраивала перспектива превращения в некую общественную фигуру.

С первых слов «*Нобелевской лекции*» он настоятельно рекомендует себя человеком частным и частность эту всю жизнь какой-либо общественной роли предпочитающим.

Однако частный человек — это тоже общественная роль и, при всей своей скромности, одна из самых высоких, если не самая высокая в обществе. И вдобавок самая труднодоступная.

Государство, политика, предрассудки, деньги стремятся вклиниться в частную жизнь. Мечта каждого настоящего поэта, идеал каждого настоящего интеллигента остаться в любых условиях независимым и свободным. Иногда это им удается только ценою собственной жизни.

По счастью, Бродскому не пришлось отстаивать свое право быть только тем, кем ему велит его понимание Божьего Промысла, такой ценой. Он без видимого усилия миновал

также и все соблазны хоть раз покривить душой во имя пайкового благополучия. А на этих соблазнах утратили душу многие, желавшие именоваться поэтами, и сделались просто орудиями рифмованной конъюнктуры, меняясь с переменами моды и политических ветров.

Бродский, достигнув безусловного признания как поэт, провозгласил себя всего лишь орудием русского языка. Он утверждает, что всего лишь исполняет свой долг по отношению к родному языку. Если вспомнить, что сначала было Слово, и Слово было Бог, то в таком-то смысле все настоящие поэты всего лишь орудие своего родного языка.

Примем эти постулаты Бродского и попробуем бегло проследить как именно поэт сумел добиться высокого положения истинно частного человека, оставаясь при этом неизменно всего лишь орудием языка.

Первые получившие известность стихи Бродского конца пятидесятых и начала шестидесятых годов написаны как бы нарочно против всех принципов хозяйничавшего безраздельно в совдеповской литературе соцреализма. Однако это была не нарочитость поэта, а просто естественная человеческая литературная позиция. Он готов был разделить нежданно открытый им в себе дар с любым числом благожелательных читателей, или точнее сказать, слушателей. Ибо стихи, случайно или в силу безнадежности их публикации, оказались легко воспринимаемыми на слух. И многие из стихов Бродского того времени: «*Ни страны, ни погоста...*», «*Плывет в тоске необъяснимой...*» — быстро и надолго заучиваются наизусть. Их исполняют под гитару и прочие инструменты. Исполнение их автором само было достаточно музыкальным действием.

Множество эпигонов, загоревшись страстью стать вторым Бродским, более или менее успешно мимикрируют под этого, якобы не очень замысловатого раннего Бродского и наводняют самиздат, тамиздат вторичными опусами. Если бы у Бродского была цель наплодить себе подражателей, он мог бы почтить на лаврах, уже написав «*Петербургский роман*» и «*Пилигримов*». Но такой цели у него не было и, может быть, вообще не было никакой осознанной цели.

Он просто лихорадочно читал все, что попадалось под руку и что можно было достать из настоящей, не социалистической литературы. С вызывающей бесшабашностью, бессистемно учил английский или польский прямо по подвернувшимся английским или польским стихам и прозе. В каком порядке он познакомился с поэзией Пастернака, Цветаевой, Элиота, Мандельштама, Джона Донна, Заболоцкого, Фроста, Хлебникова, Ахматовой, Одена, Йитса, Галчинского — сейчас уже вряд ли можно установить по его стихам, да это и не важно.

Ни один из перечисленных, ни другой из любимых Бродским поэтов не вызвал в его поэзии перелома. Он оказался поэтом рано сложившимся, но готовым к любым совершенствованиям. Поэтическая система Бродского, говоря языком современного анализа, это открытая система, все влияния направляющая только себе на пользу. Читателю предстоит совсем не безмятежное погружение в мир поэта, а достаточно трудное испытание. С годами Бродский все охотнее включал в свой поэтический обиход явления, выводы и приемы из соседних областей человеческого мышления, привлекая метафизическую философию, теологию, различные искусства и науки, не пренебрегая такими привычными в поэзии объектами иронии, как секс и политика. Трагедийная модель мироздания, предпочтенная Бродским комедийной, тоже не облегчает читателю восприятие его поэзии. Он максимально исчерпывает язык. Или язык исчерпывает поэта? Это обстоятельство требует от читателей еще и основательной лексической подготовки.

«Все мои стихи более или менее об одной и той же вещи: о времени», — сказал в одном из интервью Иосиф Бродский. Тема его поэзии — Время с большой буквы.